

УДК 341.1

Депортация иранских беженцев из США: нарушение прав человека

Бочаров Илья Евгеньевич, старший преподаватель кафедры юриспруденции, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, ilyabocharov1998@mail.ru

Костышин Никита Александрович, студент, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, nikitka.kostyshin@mail.ru

Рассматривается практика депортации иранских граждан из Соединенных Штатов Америки в контексте соблюдения норм международного гуманитарного права. На основании открытых источников и международно-правовых актов анализируются конкретные случаи принудительного выдворения, выявляются нарушения принципа невысылки, права на справедливое судебное разбирательство и запрета возвращения в страны с реальным риском пыток. Рассматривается позиция Организации Объединенных Наций и реакция международного сообщества на депортационную политику администрации Д. Трампа.

Ключевые слова: депортация, иранские беженцы, права человека, невысылка, нарушение прав человека.

На протяжении десятилетий Соединенные Штаты воспринимались как государство, последовательно предоставляющее защиту лицам, спасающимся от политических и религиозных преследований. Иран — страна с одним из наиболее жестких правозащитных режимов в мире — ежегодно пополнял ряды тех, кто ищет убежища на американской территории. Политические диссиденты, журналисты, представители религиозных меньшинств, правозащитники находили там реальные правовые гарантии, закрепленные как внутренним законодательством, так и международными обязательствами США [2]. В последние годы поток иранских мигрантов через южную границу заметно возрос — во многом под влиянием экономического кризиса в Иране и усиления политических репрессий внутри страны [9].

Это положение дел резко изменилось с началом масштабной депортационной кампании администрации Трампа в 2025 г. Уже в первые месяцы после смены власти депортации приобрели беспрецедентный характер: сотни тысяч человек были выдворены из страны при очевидных признаках нарушения стандартов надлежащей правовой процедуры [10]. В сентябре 2025 г. США осуществили депортационный рейс с иранскими гражданами на борту — событие, ставшее одним из наиболее показательных в контексте этой кампании. Соглашение между Вашингтоном и Тегераном о возвращении иранских мигрантов вступило в явное противоречие с международно-правовыми стандартами защиты беженцев, поскольку осуществлялось в т. ч. в отношении христиан-конвертитов и политических диссидентов, которым на родине грозит уголовное преследование [9].

Реакция международного сообщества оказалась незамедлительной: Верховный комиссар ООН по правам человека Ф. Тюрк публично выразил обеспокоенность системными нарушениями при проведении депортаций [10]. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена не только конкретными гуманитарными последствиями, но и более широким прецедентным значением происходящего для всей архитектуры международной защиты беженцев. Цель настоящего исследования — установить, в какой мере применяемые депортационные практики нарушают нормы международного права, и оценить характер выявленных нарушений.

В работе применялся нормативно-правовой анализ, позволивший соотнести конкретные действия американских властей с положениями международных конвенций. Сравнительный метод использовался для сопоставления масштабов депортаций различных категорий мигрантов. Эмпирическую основу составили публи-

кация *The New York Times* о депортационном рейсе от 30 сентября 2025 г. [9] и официальное заявление Верховного комиссара ООН Ф. Тюрка от 13 мая 2025 г. [10]. В качестве нормативной базы привлечены Конвенция о статусе беженцев [2], Конвенция против пыток [3] и Международный пакт о гражданских и политических правах [4].

Международно-правовая защита лиц, спасающихся от преследований, формировалась на протяжении второй половины XX в. и к настоящему времени представляет собой разветвленную систему договорных обязательств. Ее фундамент — Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [1], закрепившая право каждого человека искать убежище от преследований в других странах и пользоваться им. Именно этот документ заложил концептуальную основу, на которой впоследствии была выстроена специальная конвенционная архитектура.

Конвенция о статусе беженцев 1951 г. [2] закрепляет принцип невысылки — *non-refoulement*, согласно которому государство не вправе возвращать лицо на территорию, где ему угрожают преследования по признаку расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Данный принцип принято считать императивной нормой международного права, т. е. нормой, от которой государства не могут отступить даже на основании двусторонних соглашений. Протокол 1967 г. снял первоначальные географические и временные ограничения действия Конвенции, распространив ее нормы универсально — на случаи в любой точке мира и в любой исторический период [5].

Конвенция против пыток 1984 г. [3] вводит абсолютный запрет высылки лица в государство, где имеются серьезные основания полагать, что ему будет причинен непоправимый вред в форме пыток или иного жестокого обращения. Принципиально важно, что данный запрет не предусматривает каких-либо исключений — он действует вне зависимости от правового статуса депортируемого, обстоятельств его нахождения в стране или характера совершенных им правонарушений. Это принципиально отличает положения Конвенции против пыток от ряда других норм, допускающих ограничения при определенных условиях.

Международный пакт о гражданских и политических правах [4] дополняет картину процессуальными гарантиями: каждый имеет право на справедливое судебное разбирательство, доступ к юридической помощи и возможность обжалования решений. Применительно к миграционным делам это означает, что лицо, которому угрожает депортация, должно располагать реальной и своевременной возможностью оспорить это решение в суде — до момента

фактического выдворения, а не после него. Именно эти процессуальные гарантии систематически нарушались в ходе депортаций 2025 г., когда людей помещали на борт самолета без предварительного уведомления и без какого-либо судебного контроля.

Правозащитная ситуация в Иране относится к числу наиболее критических на Ближнем Востоке. Уголовное преследование инакомыслящих, дискриминация религиозных меньшинств документально зафиксированы международными организациями (составлено автором по данным [9]). Защита от возвращения в государства с подобным режимом и составляет ключевое предназначение всей международной системы убежища. Наличие у человека реального и обоснованного страха преследования со стороны иранских властей является, как правило, достаточным основанием для предоставления статуса беженца по критериям Конвенции 1951 г. [2]. В таких условиях выдворение граждан, имеющих обоснованные опасения преследования, представляет собой прямое нарушение принципа невысылки — независимо от того, прикрывается ли оно межправительственными договоренностями или нет.

Для системного понимания выявленных нарушений необходимо обратиться к данным о масштабах депортационной кампании. За неполные четыре месяца страну покинули 142 000 человек. Применительно к иранскому вектору показательно соотношение цифр — 2500 лиц под угрозой депортации против 300 официально задержанных, что указывает на широкий пласт мигрантов, находящихся в состоянии правовой неопределенности без какого-либо оформленного статуса [9; 10].

Адвокат А. Херишчи, представлявший интересы двух депортированных иранцев, подтвердил: ни один из подзащитных не подписывал документов о добровольном возвращении и не был заблаговременно уведомлен о принятом решении [9]. Верховный комиссар ООН Ф. Тюрк квалифицировал происходящее как прямое нарушение права на надлежащую юридическую процедуру, защиты от произвольного задержания и запрета депортации туда, где существует реальный риск пыток [10].

Немаловажен и политический контекст достигнутого соглашения. Американо-иранское сотрудничество в миграционной сфере развивалось на фоне острейших противоречий по ядерному досье и военному давлению на иранскую территорию [7]. Готовность обеих сторон к взаимодействию именно на этом треке при глубокой конфронтации по всем прочим свидетельствует о прагматике, в ко-

торой судьбы конкретных людей превращаются в инструмент межгосударственного торга. В 2024 г. США депортировали лишь около двух десятков иранцев — этот показатель считался рекордным. К осени 2025 г. речь шла уже о сотнях человек, а перспектива охватывала несколько тысяч [9].

Депортация иранских граждан в 2025 г. обнажила разрыв между декларируемыми правозащитными ценностями и реальными действиями американского государства в миграционной сфере. Системный характер выявленных нарушений — отказ от уведомления депортируемых, лишение их юридической помощи, принудительное возвращение несогласных в страну с задокументированным риском преследований — свидетельствует о том, что речь идет не об исключительных случаях, а о последовательной политике, реализуемой невзирая на действующие международные обязательства.

Соглашение с иранским правительством, достигнутое в условиях острейшей двусторонней конфронтации по ядерному досье, приобретает особое измерение: депортируемые фактически передаются властям государства, которое само признается одним из наиболее системных нарушителей прав человека в регионе. В ситуации, когда возвращение грозит диссидентам, религиозным меньшинствам и иным уязвимым категориям граждан реальными преследованиями, подобная практика противоречит не только букве, но и духу Конвенции о статусе беженцев и Конвенции против пыток.

Критическая позиция ООН фиксирует проблему на международном уровне, однако реальных механизмов принуждения к соблюдению норм международного права в подобных ситуациях по-прежнему недостаточно. Судебная система и гражданское общество США играют существенную роль в противодействии нарушениям, на что обратил внимание Верховный комиссар Ф. Тюрк, — однако этого явно недостаточно для полноценной защиты тысяч людей, находящихся под угрозой выдворения.

Сложившаяся ситуация ставит перед международным сообществом принципиальный вопрос: способна ли действующая система международной защиты беженцев сохранять свою эффективность в условиях, когда государства — исторические гаранты этих норм — сами становятся источником их последовательного нарушения. Ответ на этот вопрос выходит далеко за пределы американо-иранского контекста и касается устойчивости всего правозащитного миропорядка.

Примечания

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. N 235.
2. Конвенция о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28.07.1951) // Бюллетень международных договоров. 1993. N 9.
3. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (заключена 10.12.1984) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. N 45. Ст. 747.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. N 17. Ст. 291.
5. Протокол, касающийся статуса беженцев (подписан в г. Нью-Йорке 31.01.1967) // Бюллетень международных договоров. 1993. N 9.
6. Бобкин Н. Н. Оценка расхождений между США и ЕС в сдерживании ядерных амбиций Ирана // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. N 3.
7. Бобкин Н. Н. Прецеденты нераспространения: конфликт между США и Ираном в контексте сдерживания иранской ядерной программы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. N 4.
8. Бобкин Н. Н. США и ядерный кризис с Ираном: причины неудачной дипломатии администрации Байдена // Россия и Америка в XXI веке. 2025. N 2.
9. США депортируют группу иранцев после заключения соглашения с Тегераном, сообщают официальные лица. URL: <https://www.nytimes.com/2025/09/30/world/middleeast/us-iran-deportation-flight.html> (дата обращения: 20.03.2026).
10. США: главный правозащитник ООН обеспокоен нарушениями прав человека при депортациях. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/05/1464236> (дата обращения: 01.05.2026).

English version

Deportation of Iranian refugees from the United States: human rights violations

Bocharov Il'ya Evgen'evich, senior lecturer of the department of jurisprudence, Bunin Yelets State University
Kostyshin Nikita Aleksandrovich, student, Bunin Yelets State University

This article examines the practice of deportation of Iranian nationals from the United States in the context of compliance with international humanitarian law. Based on open sources and international legal instruments, specific cases of forced removal are analyzed, revealing violations of the principle of non-refoulement, the right to a fair trial, and the prohibition of return to countries where there is a real risk of torture. The position of the United Nations and the reaction of the international community to the deportation policy of the administration of D. Trump are also considered.

Keywords: deportation, Iranian refugees, human rights, non-refoulement, human rights violations.